

ГОТСКИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ СТИХИЙНЫЕ ЯВЛЕНИЯ ПРИРОДЫ

В статье проанализированы слова, обозначающие стихийные явления природы. Все они маркированы консонантным основообразующим суффиксом, образованы от презентной основы активного глагола. Это подтверждает предположение о том, что данные реалии воспринимались древними германцами как активные/одушевленные. Более того, лингвистические данные подтверждаются данными из истории и культуры.

Ключевые слова: явления природы, маркировка, основообразующий суффикс, активность, этимология, древние германцы.

Конечной целью любого этимологического исследования является определение того, в каком языке, когда, с каким значением возникло то или иное слово, какие изменения его формы привели к современному состоянию. При выяснении этимологии слова необходимо установить его происхождение (является ли оно исконным или заимствованным), определить его внутреннюю форму, т. е. тот признак, который лег в основу наименования [1].

Основной принцип этимологических исследований – это принцип системы, который предусматривает установление генетических связей между словами на основе трех критериев – фонетического, морфологического и семантического. Языковая основа, распадаясь на ряд родственных языков, оставляет им в наследство свои звуковые, грамматические и смысловые особенности, своеобразно отражающиеся в каждом из языков [1].

Наибольшей объективностью обладает словообразовательный аспект. Фонетический принцип представляет собой необходимое условие всякой этимологической работы. Семантический принцип – одно из важнейших средств проверки правильности той или иной этимологии. Однако в качестве отправного пункта эти два принципа допускают большую долю субъективизма по сравнению со словообразовательным принципом. Словообразовательный анализ позволяет подойти к вопросу об этимологии слова с большей объективностью [2].

Особое внимание уделяется анализу суффиксов, так как именно он позволяет ученым проникнуть в тайну этимологии слова. Суффиксы – это «строительный материал», с помощью которого в языке формируются новые слова. Язык постоянно подвергается изменениям. Способы образования новых слов также изменяются: одни суффиксы отмирают, становятся непродуктивными; их заменяют другие суффиксы – старые или новые, которые становятся продуктивными [3].

В словообразовательных процессах наблюдается закономерный и системный характер. «Строительный материал», с помощью которого создаются слова, на первый взгляд кажется разнородным. В действительности мы сталкиваемся с целым рядом

установившихся «стандартов». Одни «стандарты» продуктивны в наши дни. Каждое слово должно быть отнесено при этимологическом анализе к тому или иному словообразовательному типу. Анализ существующих или существовавших в древности словообразовательных рядов и суффиксальных чередований – это один из наиболее важных исследовательских приемов, который позволяет проникнуть в тайны происхождения слова [3].

Следовательно, при проведении этимологического анализа, имея в виду словообразовательный критерий, нужно учитывать не только совпадение корней или основ, но и закономерные соответствия словообразовательных формантов, и историю структуры слов. Так, например, сопоставляя архетипы слов *māter «мать», *rāter «отец», *bhrāter «брат», следует выделить суффикс *-ter, который в индоевропейском языке-основе использовался для обозначения родственников.

При установлении происхождения слова большое значение имеют внеязыковые факты – факты реальной действительности [3]. История многих слов сохраняет воспоминания о прежних формах быта, производства, духовной жизни народа [1]. И. И. Срезневский когда-то писал: «Каждое слово есть представитель понятия, бывшего в народе: что было выражено словом, то было и в жизни; чего не было в жизни, для того не было и слова. Каждое слово для историка есть свидетель, памятник, факт жизни народа тем более важный, чем важнее понятие, им выражаемое. Дополняя одно другим, они все вместе представляют систему понятий народа, передают быль о жизни народа» [4].

Очень важно привлечение археологического, исторического и этнографического материала. Этимология как наука постоянно опирается на самые разные отрасли человеческих знаний. Нельзя с уверенностью судить о происхождении слова, не имея ясного представления о предмете, который этим словом обозначается. В связи с этим при изучении происхождения слов этимолог должен обращаться к трудам археологов, историков, этнографов, биологов, географов и многих других ученых, а также к разнообразным справочникам, в которых

подробно описываются заинтересовавшие этимолога вещи, предметы и явления [3].

Этимологизация древнейших пластов и.-е. лексики неразрывно связана с такой важной проблемой, как взаимосвязь языка с древнейшей материальной и духовной культурой. Основы древнейшей и.-е. лексики были заложены еще в эпоху, относящуюся к каменному веку. Знание реалий является необходимым условием этимологического анализа. Оно должно быть дополнено всесторонним изучением психологии древнего индоевропейца. Конкретность мышления, прочно связанного с трудовыми процессами, – одна из наиболее характерных особенностей этой психологии [2].

Исследование происхождения слов дает возможность более полно описать историю словарного состава языка, вскрыть причины устойчивости отдельных сторон словаря и т. д. Данные этимологии важны не только для изучения истории языка, но и для изучения истории народа. Анализ происхождения исконной лексики дает ценный материал для изучения культуры народа. Оно позволяет решать этнографические проблемы, помогает восстановить детали общественной жизни, хозяйственного уклада. Изучение происхождения заимствованной лексики важно для выяснения взаимоотношений одного народа с другим в течение какого-то времени [5].

«Понимание того, что знание истории слов дает понимание человеческой цивилизации и культуры, поскольку слова, прежде всего, отражают те изменения, которые происходят в обществе, поставило этимологию в разряд особых лингвистических дисциплин со сложной и разнообразной методикой подхода к слову. По мнению некоторых исследователей, судьбы отдельных слов намного сложнее, удивительнее и разнообразнее человеческих судеб, поскольку именно слова сохраняют в себе следы древнейших человеческих отношений, обычаев, верований, культуры. Все это заставляет очень внимательно относиться к каждому слову, исследовать его историю на основании глубоко научных методов, реконструировать его исходное состояние, привлекая разнообразный материал как собственно языковой, так и неязыковой (исторический, культурологический и т. д.)» [1].

В рамках данной статьи предлагается остановиться на этимологическом анализе готских слов, относящихся к стихиям, поскольку они не только оформлены основообразующим формантом -n, но также по своей семантике соответствуют тем основам, которыми они оформлены.

Выбранные слова, как и большинство явлений природы, относятся к n-основам. О. А. Осипова предполагает, что в общегерманском консонантные основообразующие форманты служили для выде-

ления имен одушевленного (активного) класса, а два типа склонений (на согласные и гласные основы) когда-то принимали участие в бинарном противопоставлении имен по признаку одушевленности/неодушевленности. Древнегерманские языки сохраняют лишь следы некогда существовавшей бинарной оппозиции в делении существительных на одушевленные (активные) и неодушевленные (ин-активные) при помощи отнесения их к соответствующему склонению. Поэтому надежными именами, выражающими одушевленность (активность), считаются существительные, относящиеся к общиндоевропейскому слою германской лексики и имеющие маркер одушевленности [6]. Консонантные основообразующие суффиксы служили в индоевропейских и в древнегерманских языках, в частности, маркерами одушевленности. Выражение значения одушевленности/активности консонантными основообразующими формантами было свойственно определенному классу субстантивов, обладающих активной семантикой. К таким именам относятся существительные, подразделяющиеся на несколько лексико-семантических групп, например, отношение родства, положение, профессия людей, животные и т. д. [7].

Анализируемое готское слово **þeihwō** «гром» ж. р. (n-основа) имеет родственный глагол **þeihan** «уродиться, уродиться», и существительное **þeihs** ср. р. «время» [8]; это слово восходит к и.-е. основе **téh₂k₂ā**, родственные формы: в др.-болг. **tqča** (и.-е. основа **toŋk₂ā**) «проливной дождь» и рус. **túča** «грозовая туча», новослав. **toča** «град» [8]. Отсюда можно предположить первоначальное значение данного существительного: «гром» можно интерпретировать как то, что «вырастает, развивается», значит «гремит» (а не развивалось, выросло, т. е. образовано от презентной основы глагола).

Готское **þeihwō** «гром» имеет родственные слова в других германских языках: др.-англ. **þunor** «гром», «бог грома», ср.-англ. **thuner** «гром», др.-в.-нем. **thonar/donar** «гром», ср.-в.-нем. **doner, dondre, dunre** «гром», ср.-н.-нем. **dōner, donner** «гром», нем. **donder** «гром», др.-исл.(др.-сканд.) **þorr**, позднее **þunagr** «бог грома и молнии», др.-сакс. **Thunar** «Тор», др.-англ. **þunian** «греметь, реветь, шуметь, вить», ср.-гол. **dunen** «издавать звук, шуметь», ср.-в.-нем. **dunen, dénen** «грохотать, греметь». Индоевропейские соответствия следующие: лат. **tonō, -āre** «греметь», **tonitrū, tonitrus** «гром»; др.-инд. **stanati, stanayati** «гремит гром», **tanyati** «гремит, звучит», **tanyu** «гремящий, звучащий»; афган. **tanā** «гром», др.-перс. ***stint, stīnons** (прич. страдающий), перс. **tundar/tondar** «гром»; греч. **στειν** «охать, причитывать, вопить», **στεινάζω, στεναγμός** «воздыхание», **στενάχω, στόνος** «стон»; лит. **stenū** «стонать, охать», др.-церк.-слав. **stenjo, stenati**, рус. «стон» [9]. Все

эти слова восходят к и.-е. корню *(s)ten(ə)- «греметь, шуметь, грохотать, стонать»; stono-s «стон».

Готское **rinnō** «поток, ручей» ж. р. (n-основа) соответствует др.-в.-н. *rinna* «водопровод» или анатом. «канал, поток» [10]. Эти слова образованы от родственных глаголов (презентной основы): гот. *rinpan* «бежать», др.-исл. *rinna*, др.-англ. *rinpan*, иерпан, днвн. *rinpan* «течь, бежать, струиться» [8]. Тот факт, что слово *rinnō* «поток, ручей» образовано от презентной основы, говорит о том, что данное явление воспринималось древними германцами как активное, поскольку сам глагол, от которого оно образовано, был активным.

Готское **flōdus** «поток, наводнение, река» ж. р. (u-основа) [11]. Слово имеет родственные слова в других германских языках: др.-исл. *flōd*, др.-англ. *flōd*, др.-фриз. *flōd*, др.-сакс. *flōd*, др.-в.-нем. *flōt*, *flout* «поток»; др.-исл. *flā*, д.-англ. *flōwan* «переливаться, течь, литься» [8]. Эти формы, а также греч. *πλωτός* «плавающий, судоходный», образованы от и.-е. корня *rлb(u)- с помощью и.-е. суффикса -tu-. Этот корень в свою очередь является протяженной ступенью и.-е. корня *rleu-, к которому восходят такие слова, как др.-в.-нем. *flawen*, *flewen* «мыть»; лит. *plauti* «мыть»; лат. *pluit* «идет дождь»; греч. *πλέω* «плыву, плаваю», др.-исл. *plávātē* «плывет, парит, прыгает» [10; 8]. Существует точка зрения, согласно которой u-основы относятся к консонантным основам, поскольку в них слились два типа индоевропейских основ – на гласный и согласный [12].

Приведем пример из готской Библии, который демонстрирует, что явление, обозначенное данным словом, было активным, поскольку слово в тексте сочетается с активным глаголом: ...mann timrjandin razn ana airpai inuh grunduwaddju, þatei bistagq **flodus**, jah suns gadraus, jah warþ so uswaltains þis raznis mikila. – «...человек, построивший дом на земле без фундамента, который, когда обрушился на него поток, тотчас упал, и было разрушение того дома великое» [13].

Готское **fōn** (*rлbn) «огонь» ср. р. (неправильное: род. п. *funins*, дат. п. *funin*) [8].

Это слово имеет соответствия в родственных языках: др.-исл. *fune* м. р. «огонь», др.-в.-нем. *funcho* м. р. ср.-англ. *fonke*, ср.-н.-нем. *vunke* ж. р., ср.-в.-нем. *vanke* м. р. «искра», *vanken* «светить, сиять, блестеть»; др.-прусс. *ranno* «огонь», *rannstaclan* «Feuerstrahl»; греч. *πавος* «факел» [8].

Наряду с этим, есть и ряд других соответствий: др.-исл. *fūg* м. р. «огонь» (*rлg-); др.-в.-нем., др.-сакс., др.-фриз. *fiur* (*reлg); др.-в.-нем. *fuir*, англ.-сакс. *fūg* (из лок. п. *rлg) «огонь»: тох. А рог «огонь»; арм. *hug* «факел, огонь»; греч. *πωσ*; умбр. *rig* «огонь»; чешск. *ruř* «раскаленная, пылающая зола» [8; 9]. Возможно, эта группа восходит к и.-е.

корню *reл-* в др.-инд. *punāti*, *pavatē* «чистит, очищает», *pavanas*, *pāvakas* «огонь», *pūtas* «чистый»; лат. *pūrus*, *pūtus* «чистый». Привлечение экстралингвистического материала позволяет подтвердить данное предположение. Во многих случаях ритуальное разжигание огня у европейских народов имеет неперемное условие: огонь должен быть «новый», «живой», «чистый», т. е. только что добытый. Все огни, светильники и очаги, горевшие до того в жилом доме, должны были быть погашены с тем, чтобы быть зажженными от этого нового огня [14].

Готское *fōn* «огонь» возводится к гетероклитическому склонению на г/п. Данный тип является наиболее архаическим остатком индоевропейской флексии, выделяясь своей неправильностью среди обычных образований, он относится к более древнему строю языка [12]. В индоевропейском данное слово имело следующие формы: им. п. *reлg-*, род. п. *punēs*, мест. п. *p(u)лeni*. То, что готское слово принадлежало к гетероклитическому типу склонения, подтверждается существованием в языке разных падежных форм этого слова, т. е. им. п. *fōn* из *rлbn, дат. п. *funin* из *puneni [8].

Приведем примеры из готской Библии, которые показывают, что данное слово было не только оформлено консонантным основообразующим суффиксом, но и сочеталось с глаголами, характерными для одушевленных явлений, а также с глаголами, выражающими процесс, действительность:

1) ... in **funins** (род. п., ед. ч.) *lauhmunjai* – «...в огне пылающем» [13]. В примере *fōn* «огонь» употребляется с определением, которое показывает, что это действующая сила, здесь передается процесс;

2) ...*rignida swibla jah funin* (дат. п., ед. ч.) *us himina jah fraqistida allaim*. – «...шел дождь (падало) серой и огнем с неба и (он) погубил/уничтожил всех» [13];

3) *gasaihvandans þan siponjos is Iakobus jah Iohannes qebun: frauja, wileizu ei qibaima, fon* (им. п., ед. ч.) *atgaggai us himina jah fraqimai im, swe jah Heleias gatawida?* – «И когда его ученики Джеймс и Джон увидели это, они сказали: «Господин, ты хочешь, чтобы мы сказали (приказали), чтобы огонь пришел с неба и уничтожил их.?» [13].

В последних двух примерах явно прослеживается активная семантика слова *fōn* «огонь», так как оно сочетается в тексте с активными глаголами.

Итак, рассмотренные слова имеют родственные корни в разных германских и индоевропейских языках, но для нас важны готские формы, поскольку именно готский отражает наиболее древнее состояние германских языков.

Отнесение древнегерманских слов, обозначающих силы природы, к основам на консонантный,

т. е. к активному, одушевленному классу, можно также объяснить на основе материалов, связанных с культурой и мировосприятием, раскрывающих жизнь древних германцев [7].

Для того чтобы понять, какую роль выполняли явления природы в картине мира древних германцев, необходимо прибегнуть к экстралингвистическим данным. Многим силам природы первобытные люди приписывали магические свойства: дождю, молнии, грому и т. д. По их мнению, даже «скалы и утесы, положение и форма которых поражает воображение первобытных людей, легко принимают священный характер в силу мистических свойств, которые им приписываются. Такая же мистическая способность признается за реками, облаками, ветрами» [15]. Цезарь писал, что «древние германцы почитали в качестве богов лишь солнце, огонь и луну, т. е. только те [те силы природы], которые они видят [собственными глазами] и в благоприятном влиянии которых имеют возможность убедиться» [16].

Одним из наиболее почитаемых богов у древних германцев являлся Тор или Донар, который в германо-скандинавской мифологии был богом грома, бури и плодородия, богатырем, защищающим богов и людей от великанов и страшных чудовищ. Донара сравнивают с римским Геркулесом [17]. Боги-громовержцы, посылающие дождь, играли большую роль в мифологии: Зевс и Юпитер – у греков и римлян, Перун – у древних славян, Тор, Донар, как уже было сказано выше, – у древних германцев [18].

У индоевропейских народов, в том числе и древних германцев, был распространен культ источников, рек, озер, морей и других водоемов, которым часто приносились в жертву животные и даже люди. У немцев творцом источников считался Донар, у скандинавов – Один или Тор. Мы видим, что источникам приписывалось божественное происхождение. Известную роль в становлении и развитии обрядов с водой играли и психологичес-

кие факторы. Страх перед водной стихией, неспособность объяснить те или иные явления служили появлению различных колдовских приемов. Развитие анимистических верований породило веру в духов, населяющих различные водоемы [18].

Отношение к огню как к чему-то сверхъестественному, особым образом влияющему на жизнь, прослеживается в обрядах многочисленных народов Европы. Кроме добра, люди терпели от огня и зло, т. е. случались пожары, гибель урожая. Все это внушало страх, суеверный трепет перед огненной стихией, поверие в табу [14].

В первобытном обществе при низком уровне развития производства и знаний человек сильно зависел от сил природы, многое было ему в них непонятно. Отсюда и обожествление сил природы [18].

Восприятие древними германцами реалий, таких как *fōn* «огонь», *þeiðwō* «гром», *flōdus* «поток, наводнение, река» и *ginnō* «поток, ручей», как одушевленных, активных подтверждается данными, почерпнутыми из готских текстов, а также фактами из этнографии и истории древних германцев.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что существительные, обозначающие стихийные явления природы в готском, относились к активному, одушевленному классу. Активность/одушевленность заложена в их семантике. Она также отражается в морфологической и синтаксической структуре слов, т. е. все проанализированные слова имеют консонантный основообразующий суффикс, который подтверждает их активную семантику, и сочетаются в предложении с активными глаголами.

Существительные, относящиеся к одушевленному (активному) классу, как правило, входят в основной фонд древней индоевропейской лексики. Мы видим, что рассмотренные нами слова имеют не только соответствия в германских языках, но и в других индоевропейских языках, т. е. они принадлежат к устойчивому, наиболее древнему пласту индоевропейской лексики.

Список литературы

1. Балалыкина Л. А. Приключения слов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1993. 167 с.
2. Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2005. 320 с.
3. Откупщиков Ю. В. К истокам слова. Рассказы о науке этимологии. М.: Просвещение, 1973. 256 с.
4. Срезневский И. И. Мысли об истории русского народа. СПб., 1887.
5. Ваулина С. С. Основные принципы этимологического анализа. Калининград, 1995. 65 с.
6. Осипова О. А. Типология древнегерманских именных склонений в свете индоевропейских и уральских языков. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2007. 312 с.
7. Осипова О. А. Функциональная вариативность древнегерманских консонантных основообразующих формантов // Языки мира. Проблемы языковой вариативности. М.: Наука, 1990. С. 153–171.
8. Feist S. Etymologisches Wörterbuch der Gotischen Sprache. Halle, 1920. 448 S.
9. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1951–1969. Lief. 1–18.

10. Uhlenbeck C. C. Kurzgefasstes Etymologisches Wörterbuch des Gotischen Sprache. Amsterdam: Verlag von Joh. Müller, 1896. 174 S.
11. Skeat W. W. A Mæso-Gothic Glossary / With an Introduction, an Outline of Mæso-Gothic Grammar and Old and Modern English Words Etymologically Connected with Mæso-Gothic. London – Berlin, Asher, 1868. 340 p.
12. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955. 260 с.
13. Streitberg W. Die Gotische Bibel. Heidelberg, 1910. 484 S.
14. Иванова Ю. В. Обрядовый огонь // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. 222 с.
15. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-пресс, 1999. 608 с.
16. Цезарь Гай Юлий. Записки о галльской войне // Древние германцы: сборник документов / Сост. Б. Н. Граков, С. П. Моравский, А. И. Нусыхин. М., 1937. 224 с.
17. Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991. 736 с.
18. Филимонова Т. Д. Вода в календарных обрядах // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. 222 с.

Сильченко А. И., аспирант.

Томский политехнический университет.

Пр. Ленина 30, г. Томск, Томская область, Россия, 634050.

E-mail: ankasai@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 17.05.2010.

A. I. Silchenko

GOthic SUBSTANTIVES DENOTING ELEMENTAL NATURAL PHENOMENA

The words denoting natural phenomena are analysed in the paper. They are all marked by consonantal stem-building suffixes. Naturally they are formed from active verbs. The analyzed words were accepted as active/animate by ancient Germans which is supported by the data of history and culture.

Key words: *natural phenomena, marking, stem-building suffixes, activity, etymology, ancient Germans.*

Tomsk Polytechnic University.

Ul. Lenin, 30, Tomsk, Tomsk oblast, Russia, 634050.

E-mail: ankasai@rambler.ru